

УДК 17.022

**ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
РЕЧИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАДАЧА**

Иеродьякон Нафанаил (Борис Геннадьевич Бобылев)

д. пед.н., к. филол.н., магистр богословия, профессор

E-mail: boris-bobylev@yandex.ru

*Покровский храм с. Отрадное Воронежской области,
Россия*

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи чистоты русской речи и нравственных оснований личности. Констатируется устойчивая тенденция к расширению употребления сниженной, включая обценную, лексики в речевой практике школьников и студентов, а также в медиадискурсе, публичных выступлениях политических деятелей, интернет-коммуникации и пространстве массовой культуры. Предпринимается попытка выявить истоки данного явления с опорой на данные истории языка, культурологии и педагогики. Отстаивается положение о том, что одним из действенных способов поддержания речевой нормы выступает целенаправленное формирование «чувства высокого» в языке. Представлен практический опыт: обучение элементам церковнославянского языка в начальной школе, а также применение в вузовской аудитории текстов духовных писателей как средства воспитания речевой культуры.

Ключевые слова: духовно-нравственная чистота речи, обценная лексика, материально-телесный низ, церковно-славянский язык, православная риторика; языковое сознание молодежи; «чувство высокого» в языке.

UDC 17.022

**FORMATION OF A SPIRITUAL AND MORAL CULTURE OF
SPEECH AS A PEDAGOGICAL AND SOCIAL TASK**

Hierodeacon Nathanael (Boris Gennadievich Bobylev)

, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Philology, Master of

Theology, Professor

E-mail: boris-bobylev@yandex.ru

*Pokrovsky Church in the village of Otradnoye, Voronezh region,
Russia*

Annotation. The article examines the problem of the relationship between the purity of Russian speech and the moral foundations of personality. There is a steady trend towards the expansion of the use of reduced, including obscene,

vocabulary in the speech practice of schoolchildren and students, as well as in media discourse, public speeches by political figures, Internet communication and the space of mass culture. An attempt is being made to identify the origins of this phenomenon based on data from the history of language, cultural studies and pedagogy. The position is defended that one of the most effective ways to maintain the speech norm is the purposeful formation of a "sense of sublime" in the language. Practical experience is presented: teaching the elements of the Church Slavonic language in elementary school, as well as the use of texts by spiritual writers in the university audience as a means of educating speech culture.

Keywords: spiritual and moral purity of speech, valuable vocabulary, material and bodily base, Church Slavonic language, orthodox rhetoric; the linguistic consciousness of youth; the "sense of highness" in language.

В 1962 году поэт Семён Липкин, воспринимавшийся в советскую эпоху прежде всего как переводчик, создал стихотворение «Молдавский язык» [3]. Публикация этого текста состоялась лишь спустя многие десятилетия после его написания.

В поэтической ткани текста Липкин выстраивает выразительное сопоставление между цивилизационным опытом Древнего Рима и реалиями советской «империи». Северная римская провинция Дакия, частично локализуемая на территории современной Молдавии, в интерпретации автора выступает не столько географическим, сколько символическим пространством: она осмысливается как зона ссылки и каторжного существования (здесь актуализируется культурная память о судьбе Овидия, отправленного в изгнание). Этому образу античной периферии соответствует и образ советского северного лагеря – «стана варваров» и «резервации», соотнесённых в тексте с Воркутой как знаковым топосом принудительного труда и насилия.

Центральным смысловым узлом становится идея «языка каторги». Молдавская речь представлена как вульгаризированный и упрощённый наследник латыни, сформированный в условиях несвободы и исторической периферии; тем самым подчеркивается её сниженный характер по отношению к классической норме. Аналогичным образом в стихотворении появляется и блатной советский жаргон: он трактуется как спонтанное, вольно-хаотическое словесное образование, возникшее в лагерной среде и разрушающее прежнюю «словесную чистоту». Внутри этой параллели жаргон советских заключённых функционально сближается с «ломовой латынью» молдаван, а затем получает ещё более тревожное значение – становится предвестием возможной языковой деградации уже не периферийной речи, а русского языка. Он сопоставляется с латынью как языком культурной и имперской «нормы», и его судьба может повторить траекторию исторического снижения.

Параллели, намеченные Липкиным, применительно к современному состоянию массовой речевой культуры, эрозии ее нормативных и ценностных оснований, приобретают черты пророчества. Обсценная, нецензурная лексика, использованная поэтом как единичный предельно жёсткий экспрессивный приём, в сегодняшней коммуникации постепенно расширяет сферу употребления, претендуя на приемлемость в публичной и даже литературно маркированной речи, Поединок современных «акынов» – рэп-исполнителей Гнойного и Оксимилона, широко использовавших нецензурную лексику, – еще сравнительно недавно привлекал внимание десятков миллионов пользователей социальных сетей.

Сергей Шнуров, в свою очередь, в течение многих лет демонстрирует устойчивый медийный успех: еще недавно он едва ли не доминировал в интернет-пространстве, концерты его собирали многотысячные аудитории на стадионах, а выступления регулярно выходили в телевизионный эфир. Значительным спросом у молодежи пользуется и авторское интервью-шоу иностранного агента Юрия Дудя на YouTube, в рамках которого ведущий и приглашенные гости – известные музыканты, журналисты, предприниматели, представители культурной, интернет- и политической сфер – свободно прибегают к обсценной лексике и соответствующим речевым конструкциям.

Мне довелось быть невольным свидетелем того, как студенты МПГУ, возможно, будущие преподаватели русской словесности, по пути на занятия подробно обсуждали очередную выпуск программы Дудя, активно используя широкий спектр сниженной речи: в разговоре присутствовали как элементы мата, так и блатной жаргон, уже закрепившийся в молодежной разговорной практике.

Представляется, что стремление «порвать со словесной чистотой» может рассматриваться как симптоматический показатель общего культурного и духовно-нравственного состояния современного российского общества. Соответственно, речевые процессы сегодняшнего дня целесообразно анализировать в более широком контексте – с учетом эволюции русского литературного языка, а также в сопряжении с историей отечественной духовной культуры и педагогической мысли.

Как отмечает Б. А. Успенский [7], в рамках славянского язычества сквернословие выполняло «отчетливо выраженную культовую функцию»: обсценная лексика активно включалась в разнообразные ритуальные практики, прежде всего связанные с идеями плодородия (свадебные обряды, сельскохозяйственные действия и т. п.). В этой перспективе матерная брань интерпретируется как явление, генетически восходящее к дохристианским представлениям и потому обладающее выраженной антихристианской семантической направленностью. Здесь можно заметить, что поклонение Лингаму – половому органу Шивы присутствует в ряде восточных религий (шиваизме, индуизме, тантрическом буддизме).

На протяжении столетий Православная церковь последовательно противостоит сохранению и воспроизводству языческих элементов в сознании, бытовых практиках и речевом поведении народа. В церковной традиции настойчиво утверждается мысль о нравственной ответственности человека за произнесенное слово; показательным в этом отношении является евангельское положение: «от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12:37). С этой точки зрения употребление обценной лексики, независимо от ситуации и намерения говорящего – в том числе в шуточном или игровом контексте, – квалифицируется как духовно вредное и греховное деяние. Данную установку иллюстрирует духовный стих «Пьяница», где подчеркивается тождественность оценки сквернословия «в шутках» и «не в шутках».

Профессор А. А. Мурашов в книге «Педагогическая риторика»[4], обращаясь к древнерусской назидательной традиции, цитирует фрагмент из «Повести святых отец о пользе душевной всем православным христианам». В этом тексте сквернословие осмысливается как оскорбление матери в трех смысловых измерениях: Богородицы (как Пречистой Матери Божией), родной матери (давшей человеку жизнь) и земли-матери (как источника пропитания и конечного возвращения человека в погребении). В выводе, который делает исследователь, акцентируется, что носитель матерной брани тем самым посягает на сакрально значимые основания человеческого бытия и наносит разрушительный ущерб не только собственной личности, но и окружающим.

Длительный период институционально закреплённого атеизма существенно подорвал духовно-нравственные основания общественного сознания в России. Исключение Церкви из духовного поля культуры привело к тяжелым языковым последствиям: оно сопровождалось заметной девальвацией речевой культуры, в том числе сокращением сферы функционирования высокого регистра в различных коммуникативных практиках. Важно подчеркнуть, что современная тенденция к снижению литературной нормы и к включению в речь элементов, противоречащих нравственным и эстетическим критериям, сегодня уже не ограничивается рамками молодежной субкультуры [1].

Профессор МГУ А. А. Волков отмечает, что высокий регистр как средство выражения возвышенного «с трудом доступен современному языковому сознанию», поскольку это сознание во многом формируется средствами массовой информации и потому преимущественно существует в поле того, что М. М. Бахтин определял как «материально-телесный низ» [2, с. 291]. В подтверждение исследователь, в частности, указывает на присутствие грубых сниженных слов в публичной речи ведущих российских политиков.

Сложившееся положение, очевидно, предполагает разработку особой педагогической стратегии и тактики, способных хотя бы частично

компенсировать воздействие социокультурных факторов, отрицательно влияющих на нравственность, мировоззрение и речевое поведение молодежи. Одним из ключевых условий формирования «совести ушей» и ослабления влияния «языкового подвала» выступает повышение уровня филологической и духовно-нравственной подготовки школьников и студентов. Помимо чтения и аналитического освоения русской классической литературы, а также активного обращения к «прецедентным текстам» как к дидактическому ресурсу на занятиях по русскому языку и культуре речи, целесообразно более последовательно включать в образовательную практику материалы из наследия отечественных духовных писателей.

Формирование у учащихся «чувства высокого» в языке выступает одним из ключевых условий сохранения чистоты русской речи и становления у молодежи своеобразного «языкового иммунитета», способного противостоять деструктивным тенденциям и процессам стилистической деградации, заметным в речевой практике школьников и студентов.

Современные дети и юношество переживают духовный голод, зачастую не отдавая себе в этом отчета. В справедливости данного наблюдения я, в частности, убедился в ходе проведения спецкурса «Развитие языковой личности младших школьников средствами языка и православной культуры» на факультете начальных классов Орловского государственного университета. В рамках занятий студентам был представлен и методически осмыслен мой педагогический опыт преподавания церковнославянского языка в начальных классах – как в православной гимназии, так и в обычной общеобразовательной школе.

Надо сказать, что церковнославянский язык воспринимается детьми не как «мертвый» книжный архаизм, но как живая и одухотворенная речь. Освоение кириллической азбуки, базовых элементов церковнославянской графики, орфографии и грамматики, а также приобретение навыков чтения церковнославянских текстов превращаются для младших школьников в последовательность открытий, вводящих их в новый, радостно переживаемый мир: здесь каждая буква обладает собственным именем и «обликом», а структура письма – вплоть до мельчайших знаков – оказывается насыщенной духовной символикой; само звучание речи переживается как красивое, торжественное и внутренне сильное. Подобное отношение отражается и в детских рисунках – своеобразных «портретах» букв, которые в воображении учащихся обретают признаки живых существ, соотносимых с людьми, животными, растениями или птицами. С не меньшей заинтересованностью дети воспринимают церковное чтение и сравнительно легко усваивают его напевный ритм, отмеченный особой выразительностью и глубиной переживания.

В качестве одного из учебных материалов спецкурса использовалась «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского», составленная

схиархимандритом Иоанном (Масловым) [5]. Включенные в это издание тексты характеризуются высоким стилем, возвышенной духовной проблематикой и интонацией, не вполне привычной для массового языкового сознания. Первоначально возникали сомнения, окажется ли такая речевая форма доступной и адекватно воспринимаемой студентами. Однако практика занятий показала обратное: возвышенный строй изложения органично соотносится с их глубинными духовными запросами и, по сути, способствует развитию и укреплению языковой личности.

Ниже приведены примеры из студенческих эссе, выполненных на материале «Симфонии». Так, студентка А. Проворная обращается к теме смирения как утраченной, по её мнению, добродетели и подчеркивает его фундаментальный статус в христианской системе ценностей: смирение осмысливается ею как основание, на котором формируются и утверждаются другие добродетели. В этой связи она цитирует святителя Тихона Задонского, называющего смирение «азбукой» духовной жизни и поясняющего, что для христианина, стремящегося научиться христианскому житию, смирение выполняет ту же функцию, что и алфавит для начинающего читать.

Обращение к текстам святителя Тихона, как показывает опыт работы со студентами, воздействует не только на их речевую манеру и стилистику, но и на общий строй мысли, ценностные ориентиры и мировидение студентов. В эссе студентов, написанных по итогам спецкурса, нередко обнаруживаются неожиданная духовная наблюдательность и тонкость внутреннего слуха. Показателен в этом отношении и фрагмент из сочинения студентки Елены Усковой «Любовь», где в сопоставительной форме раскрывается идея безусловной любви Бога к человеку. Студентка проводит аналогию с отношением родителей к детям, которые могут предать, отвергнуть своих отца и мать, но, тем не менее, остаются объектом их заботы и любви; по мысли студентки, такова и божественная любовь, нераздельно связанная с прощением.

К очевидным положительным результатам приводило и включение духовно-нравственной проблематики русской речи в курс «Риторика», который читался на разных факультетах Орловского государственного университета. Одной из ключевых целей данного курса выступало введение студентов в представление о русском речевом идеале, который исторически укоренен в духовной традиции церковнославянского языка и в наследии христианской гомилетики. Существенное место в учебной программе занимало знакомство с размышлениями святых отцов о слове и речи, а также с образцами духовного красноречия.

Разумеется, было бы некорректно говорить о полном мировоззренческом перевороте, который происходил у студентов вследствие изучения риторики: подобное утверждение выглядело бы явным преувеличением. Вместе с тем о некоторых сдвигах в ценностных

установках, равно как и о пробуждении устойчивого интереса к духовным истокам русской речевой культуры, свидетельствуют их творческие работы, в частности сочинения на тему «Современная русская речь и духовная мораль». Приведём весьма характерные примеры из этих текстов.

В одном из сочинений подчеркивается, что христианский речевой идеал исключает стремление к доминированию одного человека над другим: коммуникация мыслится как пространство равенства, а используемые речевые средства должны быть направлены на согласование позиций и гармонизацию общения. В этой связи приводится изречение Антония Великого, предупреждающего о необходимости властвовать над собственным языком и избегать многословия как источника умножения грехов. Здесь же фиксируется важное различие: само слово не является грехом, однако слово неразумное способно повлечь греховные последствия. Автор работы делает вывод о необходимости возвращения к смирению как к принципу, применимому не только к внутренней жизни, но и к речевому поведению, а также напоминает о требовании соотносить слово с делом, формируя внутреннюю дисциплину: сердце должно подтверждать то, чему учит язык (Елена Крахмалева).

В другом сочинении утверждается, что согласие мысли и слова восходит к единому источнику – совершенному Слову Божию, явленному в текстах Священного Писания. Русский язык, по мысли автора, не исчерпывается современными коммуникативными технологиями и медиасредой (телевидением, компьютером, массовой прессой): он включает и церковнославянскую основу, и опыт молитвенной сосредоточенности, богослужения и проповеди – словом, всякий текст, обращенный к духовному измерению личности (Дмитрий Тарасов).

Студенты, как показывает анализ итогов спецкурса, особенно остро воспринимают напряжённость нравственного противостояния добра и зла в современной действительности и стремятся понять его подлинные основания, вектор и смысл. Многие из них интуитивно распознают несостоятельность эвдемонического, ориентированного на удовольствие идеала, нередко связываемого с западной цивилизационной моделью, усматривая в нём не только привлекательность, но и духовную опасность.

Показательно высказывание студентки Киры Кузьменко, которая описывает тенденцию к редукции сложного содержания жизни до формата «мыльной оперы», до поверхностной «занимательности» как явление, приобретающее характер общемировой «болезни духа». В этом контексте она обращает внимание на дискурс современной рекламы: он, по её мысли, систематически транслирует набор псевдоценностей – красоту, силу, богатство, здоровье, молодость, успех – представляя их как главные жизненные цели, тогда как действительно значимые нравственные ориентиры (добро, честь, достоинство, справедливость) оказываются вытесненными на периферию. В условиях столь разнонаправленного и

агрессивного культурного воздействия, замечает автор, человек, поддавшийся всем внешним импульсам и давлению, рискует быть втянутым в «вихрь» хаоса и распада. Возможность сохранить внутреннюю цельность и уникальность, «остаться самим собой», она связывает с обращением к духовному наследию и к «великому слову Библии».

В христианской перспективе центральным становится осознание личной ответственности за спасение собственной души, что естественным образом усиливает ответственность за произнесённое слово и совершённый поступок. Так, Екатерина Котенева формулирует требование предварительной нравственной оценки слова: необходимо соотнести его с тем, принесёт ли оно благо самому говорящему и окружающим. Дарья Шутанова развивает близкую мысль, утверждая, что правильная и чистая речь несёт в себе божественное послание, а сохранение «вечного и святого» мыслится ею как условие сохранения духовной природы человека и, в конечном счёте, собственной личности.

Приведённые примеры позволяют заключить, что знакомство студентов и школьников с христианским риторическим идеалом и древнерусской речевой традицией, органически связанной с церковнославянским наследием, заметно повышает уровень их языкового сознания и создаёт предпосылки для освоения высокого стиля в современной русской речи. Обращение к аутентичным источникам отечественной словесности и размышление над высказываниями святых отцов о языке, по сути, выполняют не только образовательную, но и воспитательную функцию: они «поднимают» душу, укрепляют самосознание, усиливают веру в действенность духовного слова, пробуждая потребность в очищении ума, сердца и языка.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что проблема духовно-нравственного состояния современной русской речи непосредственно связана с общим состоянием культуры, ценностных ориентиров общества и характером языкового сознания молодёжи. Расширение сферы употребления обсценной, жаргонной и стилистически сниженной лексики свидетельствует не только о трансформации коммуникативных норм, но и о постепенном ослаблении представлений о нравственной ответственности за слово.

Русский речевой идеал исторически формировался в тесной связи с православной духовной традицией, церковнославянским языком и культурой высокого слова. Утрата связи с этой традицией сопровождается снижением уровня речевой культуры, размыванием границ между высоким и низким стилем, а также ослаблением воспитательной функции языка.

Представленный педагогический опыт подтверждает, что обращение к церковнославянскому языку, духовной литературе и христианской риторической традиции способствует развитию языкового сознания

учащихся, формированию «чувства высокого» в языке и укреплению нравственного отношения к слову. Практика работы со школьниками и студентами показывает, что молодёжь сохраняет внутреннюю потребность в содержательной, духовно насыщенной и эстетически выразительной речи.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Формирование культуры речи невозможно рассматривать вне духовно-нравственного воспитания личности.

2. Повышение уровня речевой культуры требует систематической работы по развитию у молодёжи ценностного отношения к слову.

3. Важнейшим условием сохранения чистоты русской речи является приобщение школьников и студентов к высоким образцам отечественной словесности, включая духовную литературу и церковнославянскую традицию.

4. Эффективным средством противодействия стилистической деградации речи выступает формирование у обучающихся «языкового иммунитета», основанного на развитии эстетического и нравственного чувства языка.

5. Курсы риторики, культуры речи и русского языка обладают значительным воспитательным потенциалом и должны в большей степени ориентироваться на задачи формирования речевого идеала.

Наиболее перспективными направлениями использования результатов исследования представляются:

- дальнейшая разработка педагогических технологий формирования духовно-нравственной культуры речи;
- расширение практики включения текстов духовной словесности в образовательный процесс;
- создание специальных курсов и методических программ, направленных на развитие речевого сознания школьников и студентов;
- углублённое изучение роли церковнославянского языка в формировании языковой личности;
- разработка современных моделей речевого воспитания молодёжи в условиях цифровой коммуникации и агрессивной медиасреды.

Таким образом, сохранение чистоты и духовной содержательности русской речи выступает не только филологической, но и важнейшей культурной, педагогической и социальной задачей, от решения которой во многом зависит сохранение национальной культурной традиции и духовного единства общества.

Список литературы

1. Бобылев Б.Г. «Восприятие культуры речи жителями современной России: анализ результатов мониторинга // Русский язык в школе, 2010, №12.
2. Волков А. А. Курс русской риторики. - М.: Издательство храма св..муч. Татианы, 2001.
3. Липкин Семен Молдавский язык [Электронный ресурс]// Портал «Стих.про». Раздел «Классическая поэзия: Липкин Семен». - URL: <http://stih.pro/moldavskij-yazik/ot/lipkin> (дата обращения: 12.01.2026).
4. Мурашов А.А. «Педагогическая риторика». – М., 2001.
5. Схиархимандрит Иоанн (Маслов)
Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. – М.: «Самшит издат», 1996
6. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т.2. М., 1994.